

...буду ль я с него? ...
Нет, кумушка, далеко...

И.А.Крылов

Солженицын изображен фигурой для битва, изготовленной из фанеры. Видит Господь, у заявленного объекта для упрямства в стрельбе по цели нет ничего живого, что свидетельствовало бы о каком-нибудь сходстве с Александром Исаевичем. Зачем же написал эту бездельницу популярный писатель? Собственные жизненные тропинки автора "Портрета" не пересекались с солженицынскими. Ни по вкусам, ни по стилю жизни, ни в осмыслении ее зигзагов и трагедий они совпадают по природе не могут. Во имя чего же понадобилось "развенчивать" Солженицына?

По версии Войновича, читатели "Москвы 2042" просто одолевают автора: "Правда ли, что Сим Симыч Карнавалов — это же на самом деле Солженицын?" Сколько ныне наберется таких вопрошающих? Спросите любого на улице, в метро, в электричке, слышали ли они про Сим Симыча. Никто не помнит такого героя, кроме добросовестных филологов. Войновичу нравятся только читатели, одобряющие его наскоки на нобелевского лауреата. Будто бы именно они подталкивали автора к созданию сатирического "Портрета": "Считают, что я Солженицына разоблачил и правильно сделал".

Не стану вникать, с кого списан Карнавалов. Мне это не интересно, поскольку слишком выпирает тенденция. Приличные люди, прочитав "Москву 2042", высказали свое неприятие низкого способа "самовыражения" Войновича. Автор "Портрета" подчеркивает, что он ничего не утаил. Да, он воспроизводит переписку с Л.К.Чуковской — собственную и своей жены. Лидия Корнеевна дала Войновичу гневную отповедь: "Книга представляется мне произведением грубо-сколоченным, грубо-похабным, с тяжеловесными потугами на остроумие. Ошеломляет отсутствие фантазии". Можно предположить: живи сегодня Лидия Корнеевна, она просто не взяла бы в руки новое сочинение Войновича. Автор не постеснялся в письме к Л.К. поучать и хвастаться: "А свое мнение о Солженицыне я изменил и изменил радикально. Мужество без благородства я не уважаю".

Странно слышать упование на благородство от автора, столь откровенно и глупо принижающего достойного человека. Бестактно и напыщенно Войнович ставит на место и Елену Боннэр, посмеявшую высказать свое неприятие "2042": "Она (как и многие другие) не понимала или понимала не совсем, что гражданская смелость и литературный талант не одно и то же. Кроме того, ей стоило принять во внимание, что в литературе профессионалом был я, и не ей было меня поучать. А тем более навязывать свое предвзятое мнение". Совсем в духе членов ЦК и Политбюро отделеваются автор инакомыслящих. Только страдающий манией величия способен поставить себя выше всех. Солженицыну с большими оговорками он оставляет гражданскую смелость, а талант объявляет своей принадлежностью. С точки зрения Войновича, Сахаров тоже не умел выбирать для уважения достойную личность: "А что касается эстетических вкусов Сахарова, то, с каким бы почтением я ни относился к Андрею Дмитриевичу, в литературе он для меня авторитетом не был и быть не мог. Да и вообще для человека с долгим писательским и читательским опытом какие могут быть авторитеты?". Политбюро тоже не нравились вкусы этого великого человека, так что в своих осуждениях Войнович не оригинален.

Пафосные высказывания автора в свою пользу составляют сердцевинную мысль "Портрета". Ко всем наскаком на знаменитых людей примешивалось глупое раздражение, что не заметили его вклада в судьбоносные события страны. Как же

БОИ ЗА СЛАВУ

Автор "Чонкина" и "Москвы 2042" сочинил "Портрет на фоне мифа", эдакий скверный анекдот с неотвязным сюжетом: "Я и Солженицын". С любовью возводит автор свое "Я", вроде башни. Однако при знакомстве сия башня оказывается силосной, куда сброшено все, чем утешается гипертрофированное самолюбие, объявляющее себя единственным обладателем истины. "ЭКСМО" до выхода книги сбросило распечатку набора и направило 25 экз. журналистам, чтобы слово Войновича летело ястребом.

ВОЙНОВИЧ В РОЛИ СУДЬИ И ПРОРОКА

ГЕНАДИЙ АБРАМШЕНКО

было ему не раздражаться, если в воспоминаниях Сахарова под редакцией Боннэр он "ни словом ни упомянут. Хотя так или иначе присутствовал при некоторых важных моментах его биографии". Нищенское выраживание места в истории недостойно такого профессионала, каким себя числит Войнович. Себе в заслугу он ставит случай, когда "на своем "Жигуленке" возил Сахарова" в милицию. Да еще раз подсутился: "Я вместе с Львом Копелевым привез Сахарову весть о присуждении ему Нобелевской премии".

"Присутствовал", "привез", "возил" — эти "поступки" не тянут на упоминание в скрижалях истории. Войнович явно преувеличивает свои страдания. Эка беда — исключили из Союза писателей! Многих исключали, а Лидия Чуковская, Семен Липкин и Инна Лиснянская сами вышли из такого Союза. Лишили Войновича гражданства. Стоп! Зачем плакать! Войновича не выслали из СССР — сам поехал в Германию по приглашению и стал невозвращенцем. По закону тех времен с ним и поступили. Так что и гражданской смелости Войновичу не

достает, чтобы переплюнуть Солженицына, на чьем фоне он набрасывает собственный образ розовой акварельной беличьей кисточкой. Увы, автор идет по книжке на высоченных ходулях — чтоб далеко было видеть, чтоб обновить читательский интерес к своему творчеству, продемонстрировать отвагу — мазать дегтем тех, кто ему не мил.

Источник этой не проходящей желчи давний — очевидно, Войнович очень надеялся, что Нобелевский комитет заметит его великие заслуги перед Россией. Премия досталась другому. А поэтому высылка Солженицына высмеивается с чужих слов как "гениально разработанная пиаровская акция". Правда, автор тут же эту мысль вроде бы опровергает, но чего стоит фразочка! "Солженицын всерьез шел на смерть, и (теперь можно и пошутить) не его вина, что его не убили". Кстате, Войновичу не нравится, что А.И. жив-здоров. Он и по этому поводу пальчиком грозит ему: "Здесь надо заметить, что очень неосмотрительно хвастаться своим богатырским здоровьем. Долго ли сгладить?" А желать смерти другому достойно? Бредовую мысль шепотом ему навязывали его друзья-приятели: "Не посылал ли прототип (т.е. Солженицын. — Н.Д.) ко мне наемных убийц". Как говорят слесари — тут уж сливай кранты!

Каких только собак не навешивает на А.И. безудержный весельчак Владимир Николаевич! Он даже рассматривает фигуру Солженицына на посту Президента России. Получается по-детски наивно: "...при отсутствии сомнений в своей правоте вряд ли он мог бы разумно и осмотрительно распорядиться огромной властью". Похоже, голос подает тайный претендент на вождельную власть. Президентская звезда явно не светит и самому Войновичу. Зато автор "Портрета" репетирует власть над нашими чувствами, умом, вкусом. Но

при фальшивом и плохом по стилю тексте еще никому не удавалось сделать спектакль кассовым. Самое смешное, автор просто не знает Солженицына: "Правду сказать, я его давно не читаю". Признание в духе советского обывателя: "Солженицына я не читал, но..."

Войнович читал вроде бы "В круге первом" и заметил критично, что Солженицын с иронией изображает Сологдина, увлеченного изучением словаря Далея. Прототип этого персонажа, философ Дмитрий Панин, гордился тем, что послужил прототипом. Он даже написал "Записки Сологдина". В 73-м году они вышли на русском во Франкфурте, затем на французском в Париже и на английском в Нью-Йорке. Вдова Д.Панина Исса Яковлевна в интервью "МК" рассказала о добрых чувствах ее мужа к Александру Исаевичу. Войнович сам придумывает для Солженицына ситуацию или манеру поведения, а потом ерничает. Создается впечатление, что он репетирует воображаемую сцену перед триумфом, а затем списывает сцену с себя: "Непомерная любовь к самому себе застит ему глаза, он смотрит в увеличительное зеркало и видит не себя, а какого-то былинного или библейского богатыря". Поистине сон разума порождает чудовищ.

Очень обиделся Войнович, что парижская "Имка-пресс" и Никита Струве гонорар ему за "Чонкина" не заплатили. Кто-то назвал "Имку" очень богатым издательством. Откуда же взяться у эмигрантского издания богатству? Сам директор и редактор Никита Струве не получал зарплату — руководит издательством на общественных началах! Вместо гонорара авторам отдают часть тиража. Вероятно, Войнович не знает о благотворительной деятельности "Имки". Никита Струве вместе с библиотекой "Русское зарубежье", созданной Фондом Солженицына, побывали в 55 городах России с огромными дарами книг. С 98-го года Фонд ведет программу по оказанию помощи библиотекам России, странам СНГ и Балтии: передача 200 тысяч экземпляров книг, купленных у московских и петербургских издателей.

Войнович упрекает нелюбимого им писателя, что свою премию он выдает в долларах. Кто мешает господину Войновичу объявить премию своего имени в рублях? Пусть она не будет соответствовать 25 тысячам долларов, ну хотя бы тысяче. Но ведь и с этой денюжкой трудно будет расстаться? Помимо премии Фонд Солженицына — это международные гонорары за "Архипелаг ГУЛАГ", которые хранятся в Швейцарии, — с 75-го года оказывает помощь тысячам бывших эзков. Не болтовня, а конкретное дело — без рекламы и шумихи.

Над чем еще посмеялся Владимир Николаевич? Даже над тем, что награжден Солженицын высшим орденом страны. Должно быть, не знает критик, что писатель отказался принять орден Андрея Первозванного, как отказался от Государственной премии за "Архипелаг": нельзя получать деньги за страдания!

У любой эпохи своя мифологическая погода. Очевидно, Войнович вздумал самостоятельно повлиять на теперешний мифологический климат, попытался в своем опусе выскоблить из людской памяти Солженицына и его сочинения. И на расчищенном месте сотворить новоявленный миф о самом себе. Но память людская не подчиняется командам — исходят ли они от властей или от разрушителей.

В моей рецензии много цитат из Войновича. Позволю себе одну из Солженицына: "Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство не спасет ее от смерти; с гнилым дулом дерево не стоит. Среди всех возможных свобод — на первое место все равно выйдет свобода бессловесных".

Как в воду глядел Александр Исаевич.

Наталья ДАРДЫКИНА.